

СЕРЫЙ ХЛЕБ

Д. КОЛИЕВ

Денис Колиев

Серый хлеб

«Автор»

2026

Колиев Д. П.

Серый хлеб / Д. П. Колиев — «Автор», 2026

Виктор и Лида живут от зарплаты до зарплаты, считают каждую мелочь и учатся держаться там, где жизнь всё время пытается выбить почву из-под ног. Работа, усталость, долги, дешёвый хлеб на столе, короткие разговоры на кухне — из этого складывается их обычная жизнь. Но именно в этой сдержанной, трудной повседневности постепенно проступает главное: достоинство, близость и упрямая человеческая способность не сдаться. «Серый хлеб» — тихий, честный и пронзительный роман о бедности без жалости, о любви без громких слов и о надежде, которая приходит не сразу, а медленно — вместе с привычкой жить дальше.

© Колиев Д. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
ИЗВЕСТКОВАЯ СТЕНА	5
Глава вторая	11
ЧУЖОЙ ДОЛГ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Денис Колиев

Серый хлеб

Глава первая

ИЗВЕСТКОВАЯ СТЕНА

На двадцатый день Виктор поймал себя на том, что считает капли. Не нарочно: стоял вечером у порога, ещё в куртке, и слушал — кап. Ещё. И ещё. Кран на кухне подтекал смешно, по слесарским меркам — пустяк на пятнадцать минут. Чужие краны он перебирал каждый день. Свой не трогал.

Всё началось после праздников. Он вернулся тогда от Зинаиды Фёдоровны с четвёртого этажа, где менял прокладку, сбросил ботинки, сунул сумку под вешалку — и услышал это капанье. Лида крикнула из комнаты:

— Почини.

Он ответил:

— Завтра.

С тех пор прошло почти три недели. Прокладка лежала в ящике под мойкой — рядом с разводным ключом, мотком фум-ленты и старой ручкой от крана, которую пора было выбросить ещё год назад. Виктор видел её, когда доставал картошку или соль, и закрывал ящик. Кран был пустяком. Но стоило открыть ящик, внутри у него упиралось что-то упрямое.

Будильник звонил в шесть десять. Старый кнопочный телефон трещал на табурете так, будто звал не на работу, а на построение. Виктор выключал его с первого сигнала. Лида спала на боку, поджав ноги. Одеяло опять сползло с плеча. Он машинально поправил. Рука делала это раньше головы.

В ванной тянуло сыростью. Кафель от прошлых хозяев местами отошёл, из швов серела штукатурка. Виктор чистил зубы и смотрел не в зеркало, а в угол потолка. Там ползло пятно — соседи сверху обещали всё исправить уже второй месяц. Пятно росло без обещаний, спокойно и деловито.

На завтрак — чай, яйцо, два куска серого хлеба с маслом. Масло он размазывал тонко, до прозрачности: так привык. Ел стоя, у окна. Во дворе торчала ржавая площадка, за гаражами дымила труба ТЭЦ, над крышами висело низкое небо. Город по утрам не просыпался — его словно снова включали.

Рабочая куртка — синяя, стёганая, с почти стёртым логотипом управляющей компании. Сумка с инструментом — тяжёлая, перекошенная, с молнией, которая держалась на честном слове. Левое плечо давно ушло вниз. Лида заметила это лет пять назад. Он тогда отмахнулся, потом посмотрел в зеркало и больше спорить не стал.

На лестнице пахло кошками, вчерашней капустой и мокрой штукатуркой. На третьем этаже у окна уже маячил Геннадий Палыч — в халате, в тапках на босу ногу, с сигаретой и своей банкой из-под кильки под пепел.

— Морозит, — сказал он, не оборачиваясь.

— Вижу.

— Минус восемь обещают.

— Ну пусть.

Палыч стряхнул пепел, щурясь в мутное стекло.

— У Кравченко батарея опять сопливит.

- Знаю. Заявка висит.
- С утра тебя караулит.
- Дойдёт очередь — зайду.

Во дворе воздух был злой, железный. Зимой так пахло всегда: дымом, угольной пылью, снегом, который не успевал побыть белым. На остановке люди стояли молча, сутулились каждый в свою куртку. Виктор поставил сумку на носок ботинка и смотрел, как у всех изо рта валит пар: один общий утренний выдох.

Четвёрка, как обычно, жила своей жизнью: могла прийти через пять минут, могла через двадцать. Виктор сел у окна, сумку положил на колени. За стеклом потянулось знакомое до тошноты: пятиэтажки, облезлый «Магнит», аптека, шиномонтаж, мёртвая стройка за забором. На целое он давно не смотрел — замечал только перемены: новое объявление, заколоченное окно, скорую у подъезда.

Контора управляющей компании ютилась в подвале на Metallургов. Ступени вниз, железная дверь, запах хлорки, сырости и старого линолеума. В диспетчерской — два стола, дребезжащий чайник, компьютер с норовом и доска с листками заявок. Наталья Сергеевна, диспетчер, уже сидела на месте, в кофте с люрексом и с тем выражением лица, с каким люди работают по многу лет в одном подвале.

- Чагин, шесть адресов.
- Давай.

Она протянула листки. Две батареи, стояк, два крана, канализация. Канализацию Виктор ненавидел. Не он один.

- Кравченко первым?
- Первым. Три раза звонил.
- Значит, и четвёртый переживёт.

Наталья Сергеевна хмыкнула, поправила очки на переносице. Виктор сунул заявки в карман и пошёл на выход. День ещё не начался, а плечо уже тянуло от сумки.

* * *

Кравченко жил на девятом. Лифт не работал с октября, и Виктор поднимался пешком, считая пролёты. На шестом остановился, перевёл дыхание. Курил он вроде немного — пачка на три дня, — но лёгкие своё помнили. Сорок два года: тело уже не прощает мелочей.

Кравченко открыл сразу, будто и правда всё это время стоял в прихожей и ждал его.

- Наконец-то. Я уже третий день звоню.
- Второй.
- Какая разница. Иди смотри.

Квартира была трёхкомнатная, с тяжёлой старой мебелью, ковром на стене и сервантом с треснувшим стеклом. В дальней комнате под батареей стоял таз, наполовину полный ржавой воды.

Виктор присел на корточки, потрогал соединение, посмотрел на стык.

- Секцию менять надо.
- Это во сколько встанет?
- Рублей восемьсот. Работа по заявке, бесплатно.

Кравченко сел на стул, поскрёб шею. Виктор сразу услышал в этой паузе счёт в голове. Для одного восемьсот — мелочь. Для другого — неделя жизни.

- Ладно, — сказал Кравченко наконец.
- Пока подтяну, чтобы не текло. Но секцию всё равно надо.

Он работал молча: ключ, подмотка, затяжка. Хозяин сидел рядом и смотрел так внимательно, словно от его взгляда гайка затянется надёжнее.

- Давно в конторе? — спросил Кравченко.
- Двенадцать лет.

— А до этого?

— На трубопрокатном. Слесарем.

— Ушёл почему?

Виктор провёл пальцем по стыку. Сухо.

— Сократили.

Не совсем так. С завода он ушёл сам, когда зарплату перестали платить месяцами. Но пересказывать это было незачем. Итог от слов не менялся.

— Вот, — сказал он. — Неделю простоит. Может, две. Но секцию заказывайте.

На лестнице он закурил. На девятом этаже окно было выбито, и холод тянул в пролёт, как из шахты. Внизу лежали тёмные крыши, антенны, дым. Виктор смотрел без злости и без нежности. Здесь родился, вырос, женился. Скорее всего, здесь же и состарится. Он затаился и отвернулся от окна.

Бычок он не выбросил, сунул в карман. Лида давно отучила сорить без лекций: однажды сказала, что пепел у подъезда похож на бесконечную неряшливость. С тех пор он бросал сигареты только в урну.

* * *

Следующий адрес был на Мира, в тридцать первой квартире. Дверь открыла молодая женщина в халате, с ребёнком на руке. Мальчишке было года полтора: красные щёки, круглый живот, соска на верёвочке.

— Проходите. На кухне у нас.

Кухня была заставлена под завязку: стол, два стула, холодильник, сушилка с бельём у окна. Старый кран с крестовинами тек — сточилась букса.

— Запасная есть? — спросил Виктор.

— Нет. А надо?

— Надо. Рублей сто пятьдесят.

Женщина перехватила ребёнка поудобнее. Тот сразу захныкал.

— У меня есть с собой, — сказал Виктор.

Он давно носил расходники в сумке — за свои деньги. Контора ничего не компенсировала. Иногда брал за буксы и прокладки, иногда нет. Решал по квартире, по лицу, по тому, как человек на тебя смотрит. Иной раз — по тому, как сам на себя утром посмотрел.

Пока он менял деталь, мальчишка притих и уставился на него серьёзно, без детской суеты. Виктор зачем-то показал ему разводной ключ. Тот потянулся обеими руками.

— Нельзя, — быстро сказала мать.

Виктор спрятал инструмент, открыл воду, проверил — сухо.

— Сколько с меня?

— Нисколько.

— Да ну как это?

— Так.

Она посмотрела так, будто он сломал привычный порядок: за работу ведь платят.

На улице он закурил вторую за день и прикинул: эти «нисколько» за месяц набегают на полторы, а то и две тысячи. Из двадцати трёх на руки. Лида, наверно, знала. Не спрашивала.

* * *

Домой он вернулся к семи. На кухне пахло картошкой и жареным луком. Лида стояла у плиты, в тёмной футболке и старом фартуке.

— Руки мой.

Мыло было хозяйственное, коричневое, изрезанное на куски. Виктор тёр ладони долго, но железный запах всё равно оставался в складках кожи.

Ужин был простой: картошка с тушёнкой, серый заводской хлеб. Лида приносила по буханке со смены — на хлебозаводе это считалось не воровством, а молчаливым порядком.

Все брали. Хлеб был свежий, тёплый, с плотной коркой. Виктор резал его осторожно, будто перед ним лежала не еда, а вещь, которую нельзя испортить.

— Как день? — спросила Лида.

— Нормально. Шесть адресов.

— Канализация была?

— Была.

— Куртку кинь в стирку.

Они ели молча. Телевизор работал без звука: кто-то шевелил губами перед мигающей картой. После ужина Лида мыла посуду, а Виктор сидел на диване и нажимал кнопки на телефоне — время, дата, заряд, снова время. Смотреть там было нечего. Руки просили дела.

— Витя.

— А?

— Кран почини.

Она стояла в дверном проёме, вытирая руки полотенцем с вышитыми петухами — ещё материним.

— Завтра.

— Ты каждый день говоришь «завтра».

— Значит, когда-нибудь попадёт в точку.

Лида не улыбнулась. Ушла в комнату. Скрипнул диван, зашуршало одеяло. В тишине снова прозвучало кухонное: кап... кап...

Виктор посидел минуту, поднялся. Достал прокладку, ключ, перекрыл воду, разобрал кран, заменил, собрал. Открыл снова. Тишина оказалась непривычной.

Он выключил свет и вошёл в комнату. Лида лежала лицом к стене. Виктор лёг рядом, даже толком не раздеваясь, только ботинки снял. На потолке в углу белела трещина, похожая на речку на карте.

— Починил? — спросила Лида в темноте.

— Починил.

Через минуту она нащупала его руку, коротко сжала — и отпустила.

* * *

В субботу он всё равно проснулся в семь. Тело не умело иначе. Лида ещё спала. На кухне Виктор поставил чайник из «Фикс Прайса» — пластиковый, с треснувшей ручкой, замотанной чёрной изолентой. Вода отдавала пластмассой. Они привыкли.

На холодильнике под магнитом висел список покупок. Лидин почерк был строгий, экономный даже на бумаге: картошка — 3 кг, лук — 1 кг, морковь, масло подсолнечное, сахар, чай (чёрный, не зелёный), яйца — 10 шт. Внизу, помельче: если будут дешёвые яблоки.

Яблоки Лида любила кислые, зелёные, «семеренко». Раньше он брал ей по килограмму, иногда по два. Она ела их на диване, откусывала большими кусками, сок стекал по подбородку, и она стирала его тыльной стороной ладони. Теперь приписка «если будут дешёвые» говорила больше списка.

Рынок был в пятнадцати минутах хода. Бетонный, под голубоватыми лампами: под ними люди и продукты казались немного мёртвыми. Картошку Виктор взял у старухи в конце ряда, лук — у таджика, который не обвешивал. Яблоки дешёвыми не были: сто двадцать за кило, мелкие, в тёмных пятнах. Он всё равно взял килограмм.

Дома Лида уже сидела на кухне с кружкой чая. Волосы были стянуты в хвост, лицо ещё сонное.

— Всё по списку?

— Всё.

Он положил яблоки на стол.

— Я же написала: если дешёвые.

- Других не было.
- Это не дешёвые.
- Знаю.

Она взяла одно яблоко, повертела в руках, понюхала, положила обратно.

- Ладно.

Лида резала лук быстро и точно. На руках уже пошли зимние трещинки: сухая кожа, краснота на сгибах пальцев. На ночь она мазала их кремом в жёлтом тюбике. Крем пах аптекой и детством, но Виктор не стал бы объяснять почему.

* * *

После обеда он вышел на балкон покурить. Там стояли банки с огурцами и помидорами, стул без спинки, ведро с тряпками, старые лыжи, которыми давно не пользовались. За гаражами темнела полоска берёзового леса; зимой она казалась трещиной на белом.

Завтра воскресенье, а в понедельник опять начнётся привычное: чужие краны, чужие батареи, чужие трубы. Серёга-электрик всё собирался на Север, на вахту. Не уезжал. Толик-плотник обещал себе, что сын подрастёт — и станет легче. Сыну было четыре. У Виктора никакого «потом» не было: квартира, Лида и тяжёлая сумка с инструментом.

Поясница ныла — старая заводская грыжа. Врач когда-то велел беречься. Виктор берётся по-своему: терпел, пока не припирало.

В комнате Лида вязала ему шарф из дешёвой серой пряжи. Старый протёрся на сгибе. Она ничего не сказала — через неделю купила моток и села вязать, шурясь на петли.

- Чай будешь? — спросил он.

- Налей.

Холодильник «Бирюса» гудел, как маленький трансформатор. Внутри стояли кастрюля супа, полбанки тушёнки, яйца, молоко с деревянной прищепкой на пакете и почти выжатый до последней капли кетчуп.

Он поставил на стол две кружки. Лида взяла свою, не отрываясь от спиц. Белая, с надписью «Лучшей маме», когда-то попала на распродаже случайно; с тех пор она пила только из неё. Виктор ни разу не спросил почему. В доме были вещи, которые лучше не трогать словами.

* * *

Вечером пришёл Геннадий Палыч — по субботам он почти всегда заходил на чай. Говорил в основном он, Виктор слушал. Лида обычно уходила в комнату, оставляя им сахарницу и сухари.

Палыч обхватил кружку обеими руками, большими, узловатыми, с расплюснутыми суставами — след сорока лет у станка.

- Слышал, Петровых с первого выселяют?

- Нет.

- За долги. Три года не платили.

- Трое детей у них.

- Четверо. Последний в сентябре родился.

Виктор знал Петровых. Чинил у них слив. Грузчик, неработающая жена, четверо детей в однокомнатной.

- Куда пойдут?

- А куда все идут, — сказал Палыч и обжётся чаем.

Потом вздохнул.

- Мы с Ниной тоже небогато жили. Но как-то иначе. Или это я себе наврал.

- Может, забыл.

— Да точно забыл. Пирог её помню. Как на ботинки денег не было — не помню. Хотя были дни и похуже.

Он ушёл через полчаса. Виктор вымыл кружку, подошёл к окну. Фонарь у подъезда светил жёлтым; снег на секунду казался почти чистым. Потом глаз вспоминал правду.

* * *

Воскресенье прошло тихо. Виктор лежал на диване, смотрел старый фильм про войну. Лида гладила бельё. Утюг шипел, комната пахла горячей тканью.

К вечеру он вышел во двор. Мороз усилился, небо впервые за неделю очистилось, и над домами проступили редкие, холодные звёзды. Качели на площадке поскрипывали от ветра.

У третьего подъезда курил Петровых — плотный, невысокий, с круглым усталым лицом.

— Слышал, наверно, — сказал он.

— Слышал.

— Жена к матери поедет. В Курган. Я пока тут останусь, работу искать.

— А дети?

— С ней.

Помолчали. Петровых докурил, раздавил сигарету о перила.

— Ладно. Бывай.

Когда Виктор вернулся домой, на кухне пахло супом и глаженным бельём. Лида сидела у стола и ела яблоко — то самое, зелёное, кислое, купленное не по цене, а наперекор. Откусывала большими кусками; сок стекал по подбородку, и она стирала его тыльной стороной ладони.

Виктор остановился в дверях.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

Сел напротив.

— Дай откусить.

Яблоко было холодное, твёрдое. Они передавали его друг другу через стол. За окном стояла звёздная тьма. На кухне держалась непривычная тишина.

Глава вторая

ЧУЖОЙ ДОЛГ

Во вторник Наталья Сергеевна сунула Виктору не обычную заявку, а мятый листок из блокнота. Адрес был написан от руки: Свердлова, 9, квартира 48. Под мойкой течь.

— Это не наш дом, — сказал он.

— Знаю. Игорь Семёнович попросил. Знакомые.

Дом на Свердлова был из тех, где подъезд начинается раньше квартиры: широкая лестница, кафель без сколов, целые плафоны. На подоконнике даже пыль лежала прилично. Виктор поднялся на четвёртый этаж и понял: здесь деньги тратят не на показуху, а на то, чтобы ничего не разваливалось.

Дверь открыл крепкий мужик с выбритой головой и короткой чёрной бородой. Говорил быстро, смотрел ещё быстрее.

— Сантехник?

— Он самый.

— Рустам. Проходи.

Квартира была из другой городской породы: светлая прихожая, зеркало в полный рост, кухня, где всё стояло на своих местах, а не где поместилось. Только под мойкой растеклась лужа, и дешёвый сифон треснул по шву, как в любой обычной кухне.

— Менять надо, — сказал Виктор.

— Меняй.

Он управился минут за двадцать. Подтянул, вытер пол, пустил воду, ещё раз проверил соединение.

— Сколько?

— Двести за сифон. Работа по знакомству.

Рустам вынул тысячу.

— Мелочи нет.

— Тогда двести. Или вообще не надо.

Рустам прищурился, будто примерял Виктора к какой-то своей шкале. Потом ушёл в комнату и вернулся с двумя сотками.

— Ладно.

Виктор уже взялся за ручку двери, когда Рустам сказал:

— Чаю?

Виктор хотел отказаться. Потом вспомнил, что с утра во рту были только чай и яйцо, и кивнул.

Чайник на кухне оказался стеклянный, с синей подсветкой. Ненужная вещь, но красивая. Рустам держал кружку двумя руками и смотрел не на Виктора, а в пар.

— У меня магазин, — сказал он. — Автозапчасти. На Комсомольской. Десятый год.

Потом замолчал, посмотрел в окно и добавил уже тише:

— Мать болеет. Почки. В Екатеринбурге обещают операцию, но ждать долго. По квоте — полтора года. Платно — сейчас. Надо двести тысяч. Почти собрал.

Говорил он ровно, без жалости к себе. От этого слушать было тяжелее.

Виктор ничего умного не сказал. Да и не требовалось. Допил чай, поднялся.

У двери Рустам записал его номер на салфетке.

— Если что — позвоню. По сантехнике или вообще.

На лестнице Виктор думал уже не о сифоне и не о деньгах, а о том, как у Рустама дрогнул голос на слове «мать».

* * *

На следующий вечер, после работы, Виктор выпил бутылку пива прямо в магазине у прилавка. Зоя налила в пластиковый стакан, как наливала многим. Пиво было тёплое, горькое, ненужное. Дома Лида всё поняла с порога.

— Пил?

— Одну.

— Сегодня среда.

Про среду она сказала так, будто день недели тоже был уликой.

Ужин прошёл молча. Лида поставила тарелку, но не спросила ни про день, ни про усталость. Он сам вымыл посуду, потом стоял у окна и пальцем чертил по запотевшему стеклу прямую линию. Она подошла, провела рядом вторую.

— Нам на коммуналку не хватает, — сказала она. — Тысячу двести.

— Когда платить?

— До двадцатого.

До зарплаты оставалось дольше, чем следовало.

— У Тамары занять можно? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Потому что нет.

Виктор сразу представил Тамарину кухню: клеёнку с лимонами, чай в тонких стаканах и её осторожное «как вы там?». Лида после такого молчала бы весь вечер. Пока сами — ещё держались. После чужой десятки это уже звучало иначе.

— Найду, — сказал он.

— Где?

— Найду.

Лида только посмотрела на него. Спорить не стала, и от этого стало хуже.

* * *

В четверг его снова отправили на Свердлова, 9.

— Я там уже был.

— Значит, ещё что-то потекло. Поезжай.

Рустам открыл дверь небритый, в спортивных штанах, с воспалёнными глазами.

— Теперь под ванной.

Течь оказалась пустяковой: ослабленный перелив. Виктор лёг на пол, осветил фонариком, за десять минут всё стянул. Уже надевая ботинки, заметил на тумбочке белый конверт. Край был отогнут; внутри плотно лежали пятитысячные. Много.

Рустам в ванной шумел водой. Конверт стоял в полуметре. Рука могла дотянуться без лишнего движения.

Виктор медленно завязал шнурки, поднялся, взял сумку.

— Всё. Сделал.

— Спасибо. Давай потом рассчитаемся.

— Не надо.

Он вышел на лестницу и только там перевёл дыхание. На улице мороз резанул по лицу — снаружи и изнутри сразу.

* * *

В пятницу Игорь Семёнович позвал его в кабинет.

— Зарплату задержат. До третьего декабря.

Сказал привычно, почти без вины — как про погоду.

— Город не перечислил. Могу дать аванс. Пять тысяч.

— Давайте.

Пять тысяч. Минус коммуналка — оставалось меньше тысячи. На хлеб, на проезд, на всё. В коридоре Серёга курил в форточку.

— Тоже задержка?

— Тоже.

— Суки, — сказал Серёга с усталой злостью, от которой даже пепел падал лениво.

Домой Виктор пошёл пешком. Считал на ходу: картошка, макароны, масло. Хлеб пока Лида приносит с завода. А потом? Сколько можно жить на этих «пока»?

Дома никого не было. Лида работала во вторую смену. Виктор сел на кухне и положил аванс на стол одной бумажкой. Смотрел долго: пять тысяч молчали так же глухо, как пустая банка под чай.

* * *

В субботу утром он заплатил коммуналку. На почте — одно окно и длинная очередь из пенсионеров. Старуха перед ним считала монеты на ладони, дважды сбивалась, начинала заново. Когда очередь дошла до Виктора, он уже успел устать от чужих кошелеков и своего.

Четыре двести ушли сразу. В магазине следом — хлеб, молоко, яйца, макароны. Осталось триста с мелочью.

Дома Лида посмотрела на деньги на столе.

— Это на сколько?

— До третьего декабря.

Она отвернулась к окну.

— Проживём, — сказал он.

— Мы всегда проживаем.

Потом, не поворачиваясь, добавила:

— Я устала, Витя. Утром глаза открываю — и будто уже день прожила.

Он не нашёлся что ответить. Сказал только:

— Возьму частные вызовы. Объявления повешу.

— На чём? У тебя интернета нет.

— На столбе.

Лида усмехнулась без насмешки — фраза сама попала в их жизнь.

— На столбе так на столбе.

Он сел и написал на тетрадном листке: «Сантехник. Все виды работ. Недорого». Ниже — номер телефона, нарезанный полосками. Одно объявление приклеил у остановки, другое — возле магазина, третье — на доске у подъезда. На последнее не хватило скотча; прилепил жвачкой.

* * *

Первый звонок пришёл в воскресенье вечером.

— Смеситель поменять можете? — спросил мужской голос. — Если мой, сколько?

— Тысяча.

— После шести завтра?

— Могу.

Парень жил на Гагарина, в съёмной однушке с матрасом на полу и ноутбуком на столе. Смеситель был китайский, из коробки. Виктор ставил его сорок минут, получил две пятисотки и впервые за неделю почувствовал под ногами доску, пусть тонкую. Тысяча триста восемьдесят — уже не триста восемьдесят. Если не курить, можно дотянуть.

У подъезда он достал пачку, вытянул последнюю сигарету, пачку выбросил. Завтра — всё.

В автобусе, держась за поручень, он снова вспомнил белый конверт. Мысль липла, как грязь к подошве.

* * *

Во вторник у него была заявка в той же сталинке, но в другой квартире: засорившийся кран у старушки с фикусами на подоконнике. Пятнадцать минут работы, кухня с запахом йода, благодарности, от которых руки всё равно становятся легче.

У почтовых ящиков внизу он встретил Рустама. Тот шёл с пакетом из аптеки.

— Зайдёшь? — спросил он. — В ванной опять капает. Думал, само пройдёт.

— Само только хуже делается.

Поднялись. На тумбочке в прихожей конверта не было. Виктор не сразу признался себе, что успел поискать его глазами. Под ванной текла уже не труба, а картридж в смесителе.

— Купите в сантехническом, я поставлю, — сказал он.

Пока обувался, заметил, как Рустам выкладывает из пакета лекарства — коробки, коробки, коробки.

— Для матери, — сказал тот без вопроса. — Каждый месяц на пять тысяч.

Потом усмехнулся без веселья.

— Звонит и говорит: сынок, не трать на меня.

У Виктора всплыла больничная палата, тусклый жёлтый свет и пустая койка, к которой он когда-то пришёл слишком поздно.

— Понимаю, — сказал он.

На улице было минус пятнадцать.

* * *

В среду он не выпил. Дома был суп из пакетика с картошкой. Лида вязала шарф — за неделю тот заметно вырос.

— Я бросил курить, — сказал Виктор.

— Когда это?

— Позавчера.

Она глянула на него пристально. Он уже бросал. И не раз.

— Посмотрим.

Пачка сигарет стояла как килограмм яблок. Ночью он лежал без сна и чувствовал, как руки сами помнят старое движение: достать, поднести, вдохнуть. Рядом Лида дышала ровно, с лёгким посвистом носа.

Деньги не давали уснуть. Белый конверт лежал где-то в чужой прихожей — в полуметре от руки, слишком близко даже сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.